

Описания святынь горы Фавор в контексте греко-латинских взаимоотношений в эпоху Крестовых походов

Пашков П. А.

В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с описаниями святынь горы Фавор в эпоху Крестовых походов (1096–1291 гг.; с учетом предшествующей этой эпохе паломнической литературы и описаний последующих веков). Описания, созданные греческими и славянскими паломниками, имеют общие черты, которые не находят аналогов в текстах авторства латинских пилигримов. Объяснение этих противоречий требует включения средневековых итинерариев в общий контекст греко-латинских церковных взаимоотношений и богословской полемики на Святой земле. Сопоставительный анализ описаний святой горы Фавор показал, что в XII–XIII вв. скрытая напряженность, существовавшая между "латинянами" и православными, проявилась в различном отношении к пещерному храму св. Мелхиседека, которое, в свою очередь, было тесно связано с вопросом о квасном или пресном литургическом хлебе, который занимал важное место в богословской полемике эпохи.

Ключевые слова: Крестовые походы, итинерарий, паломничество, Фавор, Мелхиседек.

Отношения и деятельность. Работа выполнена в соответствии с госзаданием ИВИ РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению "Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи" Минобрнауки РФ и МОУ "ИППО" в 2024 г.

Петр Алексеевич Пашков — кандидат теологии, Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), Москва, Россия. ORCID: 0000-0002-5056-5267.

Сфера научных интересов: Византия и латинский Запад, Ферраро-Флорентийский собор, Паламитские споры.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): petrpashkov@mail.ru

Рукопись получена 27.09.2024

Рецензия получена 04.10.2024

Принята к публикации 22.10.2024

Для цитирования: Пашков П. А. Описания святынь горы Фавор в контексте греко-латинских взаимоотношений в эпоху Крестовых походов. *Российский журнал истории Церкви*. 2024;5(4):28-44. doi:10.15829/2686-973X-2024-168. EDN AAXADW

Descriptions of Mount Tabor in Context of Greek-Latin Relations in the Era of the Crusades

Petr A. Pashkov

The article considers a set of problems related to the descriptions of the shrines of Mount Tabor in the era of the Crusades (1096–1291; taking into account the pilgrimage literature preceding this era and descriptions of subsequent centuries). The descriptions created by the Greek and Slavic pilgrims have common features that find no analogues in the texts of the authorship of the Latin pilgrims. The explanation of these contradictions requires the inclusion of medieval itineraries in the general context of Greek-Latin church relations and theological polemics in the Holy Land. A comparative analysis of the descriptions of the holy Mount Tabor showed that in the 12–13th centuries the hidden tension that existed between the “Latins” and the Orthodox manifested itself in a different attitude to the cave church of St. Melchizedek, which, in turn, was closely related to the question of leavened or unleavened liturgical bread, which occupied an important place in theological controversy of the epoch.

Keywords: Crusades, itineraria, pilgrimage, Mount Tabor, Melchizedek.

Relationships and Activities. The work was carried out in accordance with the state task of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences within the framework of the Program of fundamental scientific research in the direction “Russia and the Middle East: historical, political and cultural contacts and interrelations” of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Imperial Orthodox Palestinian Society in 2024.

Petr A. Pashkov — Candidate of Theology, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (IVI RAS) and St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (PSU), Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-5056-5267.

Research interests: Byzantium and the Latin West, Council of Ferrara-Florence, Palamite controversy.

Corresponding author: petrpashkov@mail.ru

Received: 27.09.2024

Revision Received: 04.10.2024

Accepted: 22.10.2024

For citation: Petr A. Pashkov. Descriptions of Mount Tabor in Context of Greek-Latin Relations in the Era of the Crusades. *Russian Journal of Church History*. 2024;5(4):28-44. doi:10.15829/2686-973X-2024-168. EDN AAXADW

Введение

Статья рассматривает вопрос, находящийся на стыке двух научных проблем, входящих в более широкое поле церковной истории. С одной стороны, существует сравнительно-источниковедческая задача. Данные разноязычных и разножанровых описаний святой горы Фавор, особенно относящихся к периоду 1096–1291 гг., эпохе, которую условно, учитывая неопределенность границ данного понятия, можно обозначить как "эпоху Крестовых походов", зачастую не вполне сочетаются друг с другом. Между сообщениями различных источников существуют противоречия, причем иногда достаточно значимые, которые до сих не были вполне удовлетворительным образом объяснены исследователями; это относится даже к таким систематическим описаниям церквей Святой земли, как предпринятое Р.Д. Принглом, работа которого до сих пор остается важнейшим справочным изданием по истории этих святынь [Pringle 1998:63–85].

С другой стороны, сохраняет свою значимость и более общий вопрос о взаимоотношениях западных и восточных христиан на Святой земле в ту же эпоху Крестовых походов; особенно острым он является в случае с греко- и арабоязычными православными христианами Востока, которые, в отличие от многочисленных в Сирии и Палестине антихалкидонитов, оставались до XI в. в церковном общении с Римом и латинским христианским миром в целом. Оказавшись в центре внимания исследователей лишь во второй половине XX в., эта проблема до сих пор вызывает значительные разногласия. Хотя говорить об организованных и получивших систематическое оформление научных школах применительно к данному вопросу и не приходится, можно обозначить некоторые принципиальные направления мысли историков.

Некоторые ученые предпочитают описывать отношения крестоносцев и местных христиан через категорию "колониализма"; наиболее ярким выразителем этой тенденции стал Дж. Прауэр [Prawer 1972], концепцию которого с радостью подхватили некоторые из наиболее полемически настроенных конфессионально православных историков [Papadakis 1994]. Однако такой подход, помимо своей явной анахроничности, проблематичен еще и в силу того, что игнорирует многие свидетельства существования на Святой земле своеобразной "грубой терпимости", *rough tolerance*, как ее охарактеризовал К. МакЭвитт [McEvitt 2008]. Вместе с тем концепция "*rough tolerance*", хотя и более осторожна, чем излишне оптимистичный взгляд на сосуществование восточных и западных христиан, представленный у Ронни Элленблума [Ellenblum 1998], недостаточно учитывает собственно церковный и даже теологический аспект сложившейся на Святой земле ситуации. Социальные, географические и археологические данные чрезвычайно важны для интересующей нас проблемы, однако памятники христианской литературы, в том числе и полемической, не должны отходить на второй план; на это обращает внимание Й. Палич [Pahlitsch 2001], который выводит на первый план многочисленные тексты, посвященные богословской и обрядовой полемике, созданные с обеих сторон.

Особенно перспективным в этом плане представляется включение в рассмотрение разнообразных описаний Святой земли. Их изучение

позволяет поместить более общие гипотезы относительно взаимоотношений греческого и латинского христианства в более конкретный практический контекст и тем самым оценить их корректность. С этой точки зрения описания святынь горы Фавор, одновременно достаточно многочисленные и подробные, причем принадлежащие и к греческой, и к латинской, и к славянской традициям, могут быть чрезвычайно интересны для проверки обоснованности тех или иных теоретических осмыслений положения дел на Святой земле в 1096–1291 гг.

Гора Фавор в памятниках паломнической литературы до XI–XII вв.

Гора Фавор, одна из "святых гор" христианства, несомненно, была одним из наиболее почитаемых святых мест Галилеи. Уже в IV в. она считалась местом Преображения Господа Иисуса Христа. Достаточно рано — самое позднее, к началу VI в. — Фавор стал одним из центров церковной жизни. Послание Иерусалимского Собора 518 г., посвященного восстановлению православного халкидонитства после периода господства "Энотикона", подписано, среди прочих, и "епископом святой горы Фавор" Престутом [*Collectio Sabbaitica* 1940:80] (имя епископа, а также тот факт, что свою подпись он поставил "римскими", т.е. латинскими, буквами, заставляет предположить, что он был уроженцем латинской части христианского мира).

В том же VI в. появляются и первые описания храмового комплекса на вершине Фавора. Анонимный паломник из Плаценции, посетивший Святую землю в 570-х годах, говорит о трех базиликах, воздвигнутых на горе (упоминание о них автор сопровождает ссылкой на слова ап. Петра: "Сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии" (Мф. 17:4)) [*Itineraria* 1965:131]. Тогда же, во 2-ой половине VI в., о монастыре и трех храмах на Фаворе рассказывает армянский книжник Елише (даты жизни неизвестны):

"Одна из церквей больше двух других и называется церковью Господа, а в двух церквях поменьше сохранены реликвии апостолов, которые заложили их основания в тот самый день, когда они сказали, что им нужно построить три кущи; они именуются святыми мартириями и названы в честь Моисея и Илии" [*Baldi* 1955: 322-325].

В конце VII в., судя по сообщению Адамнана, аббата Ионского (который пишет, ссылаясь на рассказ еп. Аркульфа), три храма и монашеские келлии, стоящие на вершине, были обнесены каменной стеной [*Itineraria* 1965:220]. Любопытно, впрочем, что при описании своего посещения горы Фавор, имевшего место в 724 г., другой латинский паломник, Виллибальд (будущий епископ Айхштета, в католической традиции почитаемый как святой), говорит не о трех церквях, а только об одной:

"Выйдя оттуда, прибыли на гору Фавор, где преобразился Господь. Там сейчас есть монашеская обитель и церковь, посвященная Господу, Моисею и Илии. Здешние насельники называют это место "Age Mons" [т.е. гора ἄγιον, святая гора]" [*Itinera Hierosolymitana* 1879:260].

Это заставляет предположить, что три храма располагались близко друг к другу, а возможно, были соединены между собой (и во всяком случае их окружала одна общая стена), так что образовывали единый комплекс и могли быть восприняты как единая церковь. Д. Прингл отмечает, что данные археологии подтверждают эту гипотезу [Pringle 1998:79]; Б. Гамильтон также разделяет эту точку зрения [Hamilton and Jotischky 2020:191]. Во всяком случае, объяснить как-то иначе тот факт, что большинство паломников говорят о трех церквях, а Виллибальд и анонимное Житие св. Константина (X–XI вв.) — об одной, кажется затруднительным.

В начале IX в. со сравнительно небольшим интервалом возникают два описания Святой земли, включающих сведения о монастыре на Фаворе: не позднее 828 г. монах Епифаний Святоградец (Агиополит; известен только по своему описанию паломничества), сообщает, что "от Тивериады до горы Фавор расстояние в один день [пути]. На вершину ведет четыре тысячи триста сорок ступеней. Там есть лавра, двадцать авв" [Epiphanius Monachus 1864:272]. В свою очередь составленная ок. 808 г. "Памятная записка о домах Божиих или о монастырях", связанная с посольством государя франков Карла Великого, посетившим Святую землю, описывает Фавор следующим образом:

"На святой горе Фавор епископ Феофан. Четыре церкви: одна в честь Святого Спасителя, где Он говорил с Моисеем и Илией, вторая — святого Моисея, третья — святого Илии, четвертая — <здесь в тексте лакуна>. Монахов же восемнадцать" [Itinera Hierosolymitana 1879:304].

Это сообщение представляет интерес не только как свидетельство сохранения православной епископии на Фаворе (пусть и при весьма скромном количестве насельников в монастыре), но и как первое упоминание четвертого храма на святой горе; остается только сожалеть о том, что текст именно в этом месте содержит лакуну (некоторые соображения относительно этого четвертого храма будут высказаны нами ниже).

После сообщений Епифания и посланцев императора Карла наступает период определенного молчания источников о судьбе монастыря на Фаворе. Известно, что его посещал во время своего восточного похода 975 г. имп. Иоанн Цимисхий, однако он не посчитал необходимым подробно описывать посещенные им святые места [Кучук-Иванесов 1903:98]. Тем не менее, можно предположить, что существование православной епископии и монастыря на Фаворе продолжалось в той или иной форме; во всяком случае, в пользу этого свидетельствует тот факт, что анонимный автор Жития св. Константина Великого (X–XI в.) говорит об этом монастыре и приписывает его основание св. Елене, матери равноапостольного императора [Guidi 1908:50].

Переход монастыря на г. Фавор под управление крестоносцев

Итак, к началу эпохи Крестовых походов Фавор уже много веков воспринимался христианами Востока и Запада как "святая гора". На Фаворе существовал укрепленный монастырь, в котором было три храма — во имя

Господа Иисуса Христа и в честь пророков Моисея и Илии. Существовал также неназванный четвертый храм. Монастырь, несмотря на небольшое количество насельников, служил резиденцией епископа.

Наиболее ранние сведения о судьбе обители во времена крестоносцев относятся уже к первым годам существования латинских государств на Святой земле. По сообщению Вильгельма Тирского, Танкред Тарентский, получив от Готфрида Бульонского в управления земли, составившие княжество Галилейское (1099 г.), "весьма усердно заботился об устройстве церквей во [вверенном ему] диоцезе — в Назарете, Тивериаде, а также на горе Фавор, — одарил их обширными вотчинами, а сверх того обеспечил их и [всем необходимым для] украшения храмов" [*Williamus Tyrensis* 1986:438]. Благодаря сохранившемуся тексту княжеской грамоты, датированной 1101 г., можно заключить, что владения, которые Танкред передал монастырю на Фаворе, были и вправду обширны (хотя значительная их часть была либо разорена, либо не находилась вовсе под контролем "латинян"). Кроме того (и это представляется более значимым для настоящего исследования) — грамота называет имя настоятеля монастыря, аббата Герхарда (Gerardus) [*Urkunden* 2010:124]. Хроники Крестовых походов упоминают некоего епископа Герхарда, который нес Крест Господень в бой во время битвы при Рамле 7 сентября 1101 г. [*Albert of Aachen* 2007:578] Фульхерий Шартрский, описывая то же сражение, утверждает, что Крест нес некий аббат (не называя его по имени) [*Fulcherius Carnotensis* 1913:411]; это позволяет заключить, что данный Герхард был одновременно настоятелем монастыря и епископом. Поскольку уже в булле папы Пасхалия от 29 июля 1103 г. Герхард (здесь именуемый Геральдом), аббат горы Фавор, назван архиепископом [*Acta Pontificum* 1884:180], вполне разумным представляется предположить, что епископ-аббат, несший Крест Господень в латинском войске при Рамле, должен быть отождествлен с Фаворским архиепископом и аббатом. Очевидно, в этом качестве Герхард был весьма активным руководителем: уже в 1101 г. на Фаворе не просто существовала латинская монашеская община, но и трудились переписчики (иначе говоря, монашеская жизнь уже вполне устоялась). В позднейшем списке сохранилась копия пометки писца, оставленной им в июле 1101 г. "в монастыре святейшего Спасителя на горе Фавор" при окончании работы над рукописью, в которую входил "Сон Сципиона" (заключительная часть "Государства" Цицерона) [*Voisin* 1840:295].

Все это означает, что еще до 1101 г., на начальном этапе существования княжества Галилейского, Фаворский монастырь и епископия были переданы латинскому духовенству (монахи, проживавшие там отныне, принадлежали к бенедиктинскому ордену; судя по посланию Ключийского аббата Петра Достопочтенного к монахам Фавора, они могли происходить из Южной Италии и определенно поддерживали некоторые связи с Ключи [*Peter the Venerable* 1967:214-217]). С другой стороны, эти обстоятельства свидетельствуют о сохранении на святой горе как монашеской жизни, так и епископской кафедры в предшествующий период. С практической точки зрения пребывание епископа на Фаворе было, очевидно, не слишком удобно для крестоносцев — уже в 1107/1109 гг. в Назарете была осно-

вана отдельная епископия и латинский патриарх Гибеллин в 1111/1112 гг. перенес туда центр церковной жизни Галилеи, подчинив монастырь непосредственно патриаршему управлению [*Regesta* 1893:15]. Таким образом изначальное размещение на святой горе "западного" иерарха проще всего объясняется намерением заместить греческого архипастыря.

Итак, Фаворский монастырь после окончания Первого Крестового похода был на некоторое время превращен в центр церковной жизни латинского княжества в Галилее. Первым паломником, оставившим описание святой горы в этот период (и в принципе первым после составления итинерариев IX в.) стал Зевульф (по своему происхождению англосакс; подробных сведений о его жизни за пределами того, что сообщается в его рассказе о путешествии на Святую землю, не сохранилось). Он посетил Фавор в 1102–1103 гг.

"Приблизительно на четыре милиария к востоку от Назарета отстоит гора Фавор. Взойдя на эту гору, Господь преобразился перед Петром, Иоанном и Иаковом. Она густо заросла травой и цветами и настолько возвышается на совершенно гладкой и зеленой равнине Галилеи, что превосходит высотой все горы на сколько угодно большое расстояние окрест. Три монастыря, построенные на ее вершине в древности, стоят до сих пор: один во имя Господа нашего Иисуса Христа, другой во имя Моисея, третий же, несколько поодаль, — во имя Илии, согласно со словами Петра: "Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи, одну Тебе, одну Моисею и одну Илии" [*Peregrinationes* 1994:74].

Из описания Зевульфа составить сколько-нибудь подробное представление о жизни монастыря (в том числе и участии его греческих насельников) в этот период, впрочем, решительно невозможно. Его лаконичный рассказ до некоторой степени расширяется и дополняется свидетельством русского пилигрима — известного игумена Даниила (1104–1106). Паломник дает описание горы Фавор (близкое к описанию Зевульфа и иных составителей итинерариев: высокая, округлой формы, много трав и цветов), а затем сообщает:

"Есть же на самом връсь горы тоя мѣсто высоко ко востоку лицъ къ зимнему, аки горка камена мала островерха; и на том мѣстѣ преобразился есть Христос Богъ нашъ. И ту есть церкви добра создана на мѣстѣ том во имя Преображения, а другаа, во имя святых пророкъ Моисия и Илии, подаль того мѣста есть создана церкви на сѣверь лицъ от Преображения. <...> Мѣсто же то святаго Преображения одѣлано есть около градом каменым твердо, врата же имат желѣзна град-от. И то есть прѣвѣ было епископия, нынѣ же есть монастырь латыньский" [*Хождение* 1994:98-100].

Некоторые расхождения в описании храмов вполне объяснимы. Как было показано выше, три церкви, стоявших на Фаворе, могли исторически восприниматься как единый комплекс, поскольку были обнесены одной общей стеной (на это указывают сообщения Адамнана и Виллибальда). Во времена Зевульфа и игум. Даниила единым храмом казались

только центральная церковь на месте Преображения (которую Зевульф называет церковью во имя Господа) и базилика прор. Моисея, в то время как мартирий в честь прор. Илии визуально был теперь отделен от них. Д. Прингл полагал, что последний храм был заново построен православными насельниками Фавора после 1099 г. и перехода главных строений в руки западных монахов [*Pringle* 1998:83]. Хотя ни игум. Даниила, ни Зевульф не говорят прямо, что церковь св. Илии принадлежала "православным" или "грекам" в отличие от "латинян", этот факт подтверждает Гийом Тирский [*Williamus Tyrensis* 1986:1052] (подробнее об этом см. ниже). Иначе обстоит дело с предположением о строительстве православными нового храма после прихода крестоносцев. Несмотря на определенную распространенность этой точки зрения (так, с ней согласен Б. Гамильтон [*Hamilton and Jotischky* 2020:192]), с ней трудно согласиться. Во-первых, Зевульф недвусмысленно говорит об этой церкви как о построенной в древности, наравне с центральной базиликой; очевидно, строение минимум VI в. (а именно тогда был воздвигнут, как показано выше, главный храм Фавора) было трудно перепутать со зданием, заложенным менее, чем за три года до паломничества Зевульфа. Во-вторых, вообще сомнительно, что местные иноки, изгнанные из главного храма, располагали средствами и возможностями для масштабного и быстрого (менее, чем за три года!) строительства. Наконец, в-третьих, Зевульф говорит не о трех, а о двух церквях в центральной группе. Если бы речь шла о том, что "греки" построили совершенно новый храм, то куда же исчез древний мартирий прор. Илии, который должен был остаться в руках "латинян"? Все это заставляет предположить, что православные монахи Фавора не строили новой церкви после 1099 г., а только разрушили общую стену (возможно, описанную Адамнаном), соединявшую базилику св. Илии с храмами Преображения и прор. Моисея. Храм не был построен заново, а только отделен от двух других.

Пещерный храм св. Мелхиседека

Описанные до сих пор объекты были не новы: упоминания о них в той или иной форме встречаются задолго до игум. Даниила. Зато принципиально неизвестную до него информацию русский паломник сообщает о пещерном храме во имя прав. Мелхиседека (его заметку о нем имеет смысл процитировать целиком):

"Ту есть на той же горѣ Фаворстѣй пещера чюдна зѣло на равнѣ. Тако есть, яко погребещь малъ въ камени иссѣченъ. И оконце мало было на версѣ пещеры тоя святыя. Трапеза создана днѣ в пещерѣ той на востокъ лицъ; дверци имат малы, слѣсти же в пещеру ту по степенемъ от запада лицъ. И пре-дверми же пещеркы тоя стоять смоковицы малы; около ея стоять древца мала всякаа. Пръвое же был лѣсъ велик ту около пещеры тоя, нынѣ же мала и худа древца суть ту. И в той пещерици жилъ святой Мелхиседекъ, и ту прииде к нему Авраам и возва трижды, и рече: "Человѣче Божий!" Изиде Милхиседек, и изнесе хлѣбъ и вино, и созда жрътовник ту въ пещерѣ той, створи жертву хлѣбом и вином, и абие взялся жертва на небеса к Богу. И ту благослови Мелхиседекъ Авра-

ама, и остриже и Авраам, и обрѣза нокти его, и бѣ бо космать Мелхиседек. И то бысть начатокъ литургии хлѣбом и вином, а не опрѣсноком. О том пророкъ глаголетъ: "Ты еси иерѣй вѣкы по чину Мелхиседекову". И есть пещерка та вдаль от Преображения, яко дострѣлить добръ, и есть къ западу лицъ мѣсто то святое" [*Хождение* 1994:100].

Описанная игум. Даниилом история встречи Мелхиседека с Авраамом соответствует известному апокрифу — "Истории о Мелхиседеке" (датировка и происхождение остаются спорными). Этот текст получил широкое распространение в христианской среде, в том числе грекоязычной [*Pelle* 2013:58–60]. Согласно данному сказанию, по молитве Мелхиседека землетрясение погубило его родной город, когда его отец намеревался принести его брата в жертву языческим богам. После этого Мелхиседек провел 7 лет, скрываясь на горе Фавор, где его и нашел Авраам [*Historia de Melchisedech* 1857:525–530]. Рассказ этот известен как минимум в двух редакциях: одна имела хождение под именем св. Афанасия, иной вариант текста входил в состав сборника "Палея историческая" (*Palaea Historia*; не ранее X в.) [*Vassiliev* 1893:206–210]. Хотя в дальнейшем и сказание пс.-Афанасия, и "Палея" были переведены на славянский язык, во времена игум. Даниила такого перевода, по-видимому, еще не существовало, и с преданием о Мелхиседеке он познакомился на Фаворе, услышав о нем от насельников монастыря. Информантами его, по всей вероятности, были греки, поскольку Зевульф, посетивший Фавор всего парой лет ранее, ни словом сюжет об Аврааме не упоминал, равно как не писал и о существовании пещерного храма (а значит, латинские монахи на святой горе не пересказывали ему предание о Мелхиседеке). Хотя древнейший латинский перевод "Истории о Мелхиседеке" сохранился в рукописи IX в., вероятно, до эпохи Крестовых походов сюжет о встрече Авраама и Мелхиседека на Фаворе (или хотя бы у Фавора) не получил на Западе широкого распространения [*Pelle* 2013:58–61].

Представляется весьма вероятным, что именно с этой пещерной церковью можно соотнести тот четвертый храм, о котором упоминает "*Commemoratorium de casis Dei*" (установить это с однозначностью не позволяет лакуна в тексте источника). Пещера, в которой находился храм, была местом почитания уже в VII–VIII вв. — об этом свидетельствует датированная этим периодом куфическая надпись с призыванием Спасителя, оставленная арабоязычным паломником по имени Георгий на стене пещеры [*Battista e Bagatti* 1976:164–167]. При этом, хотя Епифаний Агиополит ассоциирует место встречи Мелхиседека и Авраама с горой Фавор, для него эта встреча состоялась неподалеку от подножия горы — "там, где девять учеников были оставлены" [*Epiphanius Monachus* 1864:269]. Однако уже составитель Жития св. Константина в X–XI вв., по-видимому, полагал, что Мелхиседек благословил Авраама на самой горе Фавор [*Guidi* 1908:50]. Исходя из всего вышесказанного, можно предположить следующую реконструкцию истории пещерного храма. Местные христиане считали одну из пещер у вершины горы местом встречи Авраама и Мелхиседека, описанной в апокрифической истории. В начале IX в. насельниками

фаворского монастыря в пещере была устроена церковь. Ее существование способствовало распространению версии о вершине горы как месте встречи Авраама с Мелхиседеком, хотя до этого момента оно могло локализовываться различным образом. Для монахов образ жизни Салимского царя, скрывавшегося в безлюдном месте много лет, мог служить одним из образцов своего рода "ветхозаветного иночества".

Хотя само сказание о Мелхиседеке и его встрече с Авраамом в окрестностях Фавора распространилось в среде латинских христиан достаточно быстро (большинство паломников, побывавших на святой горе после Зевульфа, так или иначе упоминают о Мелхиседеке), ни один западный пилигрим не говорит о пещере на вершине горы или о пещерном храме. Так, например, Иоанн Вюрцбургский (60-е годы XII в.) говорит о встрече Авраама с Мелхиседеком где-то "на спуске с горы" (*in descensu montis*) [*Peregrinationes* 1994:81]. Посетивший святую гору вскоре после Иоанна немецкий паломник Дитрих (Теодорих) описывает святыни Фавора следующим образом:

"На этой горе была построена славная церковь в честь Самого Спасителя; в ней мужи, принесшие монашеский обет, служат Богу под руководством аббата. Говорят, что в этой церкви впервые была отслужена месса (*primitus misse officium fertur celebratum*). На спуске с этой горы (*in huius montis descensu*) Мелхиседек, священник Бога Всевышнего и царь Салима, встретил Авраама, когда тот возвращался после Амаликова побоища (*a caede Amalech*), и предложил ему хлеб и вино" [*Peregrinationes* 1994:192].

Видно, что Теодориху известны сказания о Мелхиседеке; в общих чертах он знаком и с традицией, которая каким-то образом связывает Фавор с установлением Таинства Евхаристии (ср. у игум. Даниила: "И то бысть начатокъ литургиямъ хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокомъ"). При этом он не соотносит эти два сюжета между собой: первая литургия (месса) для него была совершена в "основной" церкви на вершине Фавора. Все это означает, что не только предание о пещере Мелхиседека Теодориху неизвестно, но и о самом существовании на святой горе пещерного храма он либо не знает, либо умалчивает: иначе соотносить первую Евхаристию (или ее прообраз), конечно, нужно было бы именно с ней.

При этом греческий паломник Иоанн Фока (также неизвестный по иным источникам), побывавший на Фаворе в 1185 г., спустя примерно десять лет после Теодориха, о пещерной церкви был прекрасно осведомлен:

"А в северной части горы есть пещера Мелхиседека, которая заслуживает внимания. Ведь в ней прорублены различные оконца, и часть ее находится под землей, а часть — над, а также в ней есть различные помещения и келлии, используемые для проживания подвижников, в которых многие великие святые окончили свой подвижнический путь. А возле пещеры есть храм, на том самом месте, где Авраама, возвращавшегося после битвы, встретил Мелхиседек, благословил и угостил" [*Joannes Phocas* 1864:937].

Его описание, как видно, вполне гармонично сочетается с описанием игум. Даниила: за восемь десятилетий, прошедших со времен паломничества русского игумена, радикальных изменений в устройстве пещерного храма не произошло.

Иными словами, наблюдается занятный феномен: "православные" (русские и греческие) паломники знают о существовании пещерного храма и локализируют место встречи Авраама и Мелхиседека на вершине Фавора; в то же время "латиняне" сперва вовсе не знают легенду о Мелхиседеке (Зевульф), а после ознакомления с ней начинают относить встречу ветхозаветных праведников к "спуску" или подножию горы, как будто не замечая пещерной церкви на вершине.

Взаимоотношения греческих и латинских монахов на Фаворе

Траектория исследования, таким образом, вплотную подводит к вопросу о взаимоотношениях греческой и латинской общин на горе Фавор. Показательно, что латинские источники фактически ничего относительно данной проблемы не сообщают. Строго говоря, о том, что на Фаворе было не только больше одного храма, но и отдельная греческая община, большинство латинских пилигримов вовсе умалчивают; прямо и ясно пишет, что существовал "*monasterium Graecorum, quod dicitur Sancti Helie*", в частности, Гийом Тирский, но не Зевульф, Теодорих или Иоанн Вюрцбургский. Впрочем, сообщения православных паломников позволяют несколько скомпенсировать эту скудость западных источников.

Игум. Даниил рассказывает, что в центральном храме святой горы, стоящем на месте Преображения (т.е. у латинских монахов) его и его спутников принимали хорошо ("почтища добрѣ"); более того, он счел возможность взять "благословение от игумена и от всея братии" [*Хождение* 1994:100], а значит, ни о каком решительном разрыве речи не шло. О добрых отношениях между греческими и латинскими насельниками Фавора говорит более полувека спустя и византиец Иоанн Фока:

"На вершине — два монастыря, в которых христиане умилоствуют Божество, воспевая его на разных языках, но имея один образ жизни. На том месте, где совершилось спасительное Преображение, пребывает сонм латинских монахов. По левую же руку наши назареи освящают это священное место и освящаются сами" [*Joannes Phocas* 1864:936-937].

Во время налета войск султана Салах ад-Дина (1183 г.) на святую гору, по сообщению Гийома Тирского, сарацины "взошли на гору Фавор — что ранее было неслыханно — и поступили, как хотели (*pro libero tractantes arbitrio*), с греческим монастырём, который именуется [монастырем] святого Илии". Именно латинская обитель (*maius cenobium*) в этот момент стала убежищем для окрестных жителей (и, вероятно, греческих монахов), поскольку она была "окружена стенами с башнями" [*Williamus Tyrensis* 1986:1052].

Таким образом, несмотря на изгнание греков из центрального храмового комплекса и переход епископской кафедры в руки латинского духо-

венства, "восточные" и "западные" монахи сосуществовали на Фаворе относительно гармонично. Греческий монастырь св. Илии и латинский монастырь Спасителя пребывали в мире — такой была ситуация сразу после учреждения государств крестоносцев на Святой земле, такой она, по-видимому, оставалась и до окончательного оставления христианами Фаворской обители в 1263 г. Однако нерешенным остается вопрос о пещерном храме. Кем были отшельники, проживавшие в пещере, греками или латинянами? Почему западные паломники как будто ничего не знают о храме?

Опираясь на изданные Ю. Кедаром фрагменты сочинения Герарда Назаретского "*De conversatione virorum Dei in Terra Sancta morantium*" о жизни подвижников Святой земли, Б. Гамильтон находил возможным предположить, что и пещерный храм, и его насельники были латинского происхождения [Hamilton and Jotischky 2020:196]. Действительно, как минимум один отшельник, обитавший на Фаворе, определенно был уроженцем Запада: он был свидетелем осады Антиохии крестоносцами и после нее много десятилетий прожил в глуши, не встретив ни одного человека; он даже не знал, что Крестовый поход увенчался успехом [Kedar 1983:74]. Упоминает Герард и иных подвижников, обитавших на склонах Фавора [Kedar 1983:72]. Однако об их происхождении судить на основании сохранившихся отрывков не представляется возможным (текст не содержит никаких указаний, которые позволили бы с уверенностью говорить, что они не были греками или "syriani" — арабоязычными христианами). Единственный определенно латинский отшельник (очевидец антиохийских событий) никакого отношения к пещере св. Мелхиседека не имел, и вообще был обнаружен Иоанном Каррарским, информантом Герарда, едва ли не случайно.

Предположение, что отшельники, связанные с пещерным храмом, были скорее "православными" (и более того, сознательно отделяли себя от "латинян") представляется более разумным. На эту мысль наводит, во-первых, разумеется, факт умолчания о пещерном храме всех сохранившихся латинских источников при наличии подробных описаний на греческом и славянском языках. Большинство паломников знакомились с обстановкой на Фаворе, очевидным образом, непосредственно на месте и узнавали о местных святынях от монахов святой горы. Западным пилигримам бенедиктинцы из монастыря Спасителя не сообщали о пещерном храме, а значит, либо не знали о нем (что маловероятно), либо не признавали его в качестве святыни. Нельзя ли заключить, что это место было каким-то образом закрыто от "латинян", так что они туда не допускались?

К такому же выводу подталкивает и сообщение игум. Даниила. Именно при рассказе о пещере Мелхиседека русский паломник позволяет себе один из своих немногих полемических выпадов против "латинства": "то бысть начатокъ литургииам хлѣбом и вином, а не опрѣсноком" [Хождение 1994:100]. Источником этого замечания, очевидно были монашествующие, связанные с этим пещерным храмом, со слов которых был составлен весь раздел о Мелхиседеке в составе "Хождения". От них же игумен услышал и о том, что "нынѣ приходит ту святыи Мелхиседекъ часто и литургисает

в пещерѣ той святѣй" [*Хождение* 1994:100], подтверждая тем самым правильность византийской богослужебной практики. Иными словами, те монахи, которые показывали игум. Даниилу подземный храм, если и не были враждебно настроены по отношению к латинскому богослужебному чину, то во всяком случае были убеждены в превосходстве и исторической оправданности восточных обычаев. В начале XII в. полемика о квасном и пресном евхаристическом хлебе все еще имела центральное значение для греко-латинской полемики; конечно, если местная традиция связывала с пещерой Мелхиседека чудесное подтверждение греческой стороны в данном споре, "латиняне" могли отвечать глухим отрицанием значения этой святыни как таковой. Тем более такой ход мыслей становится понятен, если учесть, что ссылка на пример Мелхиседека была крайне распространённым доводом в византийской полемике против опресноков: такая аргументация присутствует и у Льва Переяславского [*Павлов* 1878:117], и (непосредственно в эпоху Первого Крестового похода) у патр. Иоанна Оксита [*Leib* 1924:250-251], и во множестве иных текстов.

Косвенным образом о строгом православии (понимаемом в противоположность "латинству") отшельников из пещер горы Фавор может свидетельствовать и небольшое замечание из синаксарного Жития прп. Неофита Затворника (текст в его современной редакции имеет позднейшее происхождение, однако, вероятно, сохраняет элементы древнейшей традиции). В 1158 г. преподобный посещал Святую землю, и составители Жития отдельно упоминают о том, что он "дошел до пределов Магдалы, Фавора и Иордана, обыскивая всевозможные пещеры, чтобы найти какого-нибудь подвижника и пойти к нему в послушание" [*Ἀκολουθία* 1912:11]. Как видно, разыскивал он духовного отца для себя не в пустыне и не в монастырях, а именно в пещерах (τρῶγλας καὶ σπηλαία), в то время как из перечисленных мест пещерными подвижниками славился только Фавор. Отрицательное отношение св. Неофита к современной ему Римской церкви известно: "Старший Рим от Нового отделился, совершает Литургию на опресноках и придерживается чуждого соборным преданиям"; соответственно, можно ожидать, что и духовного наставника он должен был себе искать среди противников "латинства", и найти таковых он ожидал в пещерах Фавора. Впрочем, разумеется, вся эта конструкция построена на допущениях, и сама по себе не имеет доказательного значения; в контексте всего вышесказанного, тем не менее, такое прочтение Жития прп. Неофита имеет определенный смысл.

В то же время, несмотря на вероятно полемический по отношению к "латинянам" настрой подвижников, связанных с пещерным храмом св. Мелхиседека, их собственная участь была тесно связана с судьбой бенедиктинской общины Фавора. Когда в 1263 г. крестоносцы окончательно утратили контроль над святой горой и мамлюкский султан Бейбарс разорил храмы Фавора, монашеская жизнь там прервалась на весьма долгий срок. Сама гора, впрочем, оставалась святыней, и ее посещали различные паломники, в том числе и доминиканец Бурхард Сионский, уроженец г. Барби близ Магдебурга и автор самого подробного из средневековых описаний Святой земли. Посетив Фавор во время своего паломничества,

состоявшегося в 1283—1285 г., он оставил рассказ о развалинах монастыря [*Peregrinatores Medii Aevi* 1894:57]. Спустя несколько лет, в 1288 г., на Фаворе побывал и был поражен степенью его запустения флорентиец Рикольдо да Монтекроче (1243—1320) [*Peregrinatores Medii Aevi* 1894:107]. Вероятно, он был последним паломником, посетившим святую гору до падения Акры (1291 г.), знаменовавшего окончание эпохи Крестовых походов в собственном смысле.

Последствия эпохи Крестовых походов для святынь горы Фавор

Хотя в конце XIII в. крестоносцы утратили свои владения на Святой земле, паломничества, в том числе и к горе Фавор, не прекратились полностью. Лудольф Зюдхаймский, уроженец Вестфалии, побывав на Фаворе, описывал в 1336 г. руины бенедиктинского монастыря:

"Вершину этой горы и монастырь захватили сарацины. Ведь она была хорошо укреплена стенами и башнями, а теперь вершина совершенно заброшена и лежит в развалинах, хотя стены и башни большей частью сохранились" [*Deycks* 1851:95].

Чуть выше по тексту Лудольф приводит описание богослужений праздника Преображения на христианском Востоке (читая его текст, нельзя забывать, что латинская литургическая практика не придавал такого значения Преображению; на тот момент оно даже не было общим праздником, обязательным для всей Католической церкви):

"Следует знать, что в заморских странах праздник Преображения Господня совершается с особой торжественностью. Приходится он на день святых Сикста, Феликса и Агапита, и празднуют его с новым вином. Вся знать и граждане в этот день особо собираются в церкви, расставляют на храмах свои знамена и пребывают в бдении всю ночь, а затем с радостью исходят" [*Deycks* 1851:95].

Однако распространенное мнение, будто это описание относится именно к тому, как данная служба совершалась именно на горе Фавор, представляется не вполне оправданным. Скорее напротив: его слова говорят о повсеместной практике, так что утверждения, что среди жителей окрестных земель существовал обычай подниматься в день Преображения на святую гору для совершения Литургии, не имеют достаточного обоснования (не исключено, что они это делали, но Лудольф об этом не говорит).

Так или иначе, почитание места Преображения Господня на вершине святой горы хотя и продолжалось, но какие-либо значимые свидетельства относительно форм этого почитания оставили в основном латинские паломники, которым случалось побывать там. Усилиями представителей западного христианства, в первую очередь францисканцев, которые активно действовали на христианском Востоке даже в самые "темные" века его существования, поддерживалось и существование места для совершения богослужений на Фаворе. Так, францисканский монах Бонифаций сообщает, что в сер. XVI в. трехчастный храм на святой горе был

восстановлен [*Bonifacius de Stephanis* 1875:259–260]. Кроме того, его рассказ позволяет понять, что францисканцы продолжали локализовывать место встречи Мелхиседека и Авраама в окрестностях Фавора, неподалеку от его подножия [*Bonifacius de Stephanis* 1875:258].

Особая православная традиция почитания святынь святой горы в период после оставления Фавора "латинянами", по-видимому, была если и не вовсе утрачена, то не фиксировалась в значимых письменных памятниках. Долгое время спустя, уже в первой половине XVIII в., Иерусалимский патриарх Хрисанф Нотара (1655/1660–1731), племянник и наследник великого иерарха и церковного историка Досифея, во всяком случае, не знал ни о некогда существовавшем пещерном храме, ни о традиции считать вершину Фавора местом встречи Авраама и Мелхиседека. После подробного описания красоты природы на святой горе он пишет:

"Наконец, и известной, и славной, и лучшей из всех гор ее делает совершившееся здесь страшное и неизреченное Преображение Господа нашего. Конечно, Евангелисты не называют именно эту гору, но древнее и всеобщее церковное предание, а также одно пророческое речение убеждают нас в том, что упомянутое Божественное Преображение совершилось здесь. Кроме того, некоторые настаивают, что у подножия этой горы следует устанавливать и место, где Мелхиседек встретил Авраама, возвращавшегося после славной и великой своей победы над Ходоллогодомором, и принес ему хлеб и вино. Однако более достоверно и истинно мнение, что эта встреча и их общение совершились поблизости от Святого Града Иерусалима, каким он был тогда, за его пределами" [*Χρύσανθος* 1728:41–42].

Здесь, конечно, очевидна полемика с францисканской (и в целом латинской) традицией, однако нет никаких следов преемственности по отношению к тому преданию, которое зафиксировано у игум. Даниила или Иоанна Фоки. Фактически, несмотря на свою полемическую настроенность, патр. Хрисанф располагает только теми сведениями о святынях Фавора, которые сохранили его оппоненты.

Заключение

Принимая во внимание все то, о чем говорят сообщения паломников эпохи латинских государств на Святой земле (а также учитывая, о чём они умалчивают), мы можем в общих чертах реконструировать историю монашеских общин Фавора и поместить ее в общий контекст греко-латинских церковных взаимоотношений этого периода.

На Фаворе с древности (во всяком случае, с VI в., а возможно, и ранее) существовала епископская кафедра, храмы и, вероятно, монашеская община. И епископия, и монастырь, хотя и испытывали значительные лишения, пережили установление иноверного владычества и продолжали существовать в т.ч. и в XI в. Появление крестоносцев на Востоке в целом больше всего сказалось на православном епископате этих мест: вскоре после создания Танкредом княжества Галилейского, в границах которого находилась и гора Фавор, епископская кафедра перешла к представи-

телю латинского духовенства. Однако эти перемены не повлекли за собой физического изгнания греческих и арабоязычных монахов со святой горы; хотя прибывшая из-за моря бенедиктинская община и заняла центральный храм на месте Преображения Господня, церковь прор. Илии осталась в распоряжении изначальных насельников обители. Ранее соединенная с основной базиликой в единый комплекс, теперь она была отделена; кто стал инициатором этого, "латиняне" или местный клир, неизвестно.

Несмотря на поражение православной иерархии в правах с приходом латинских правителей, на низовом уровне восточные и западные клирики и монахи могли сосуществовать относительно мирно (это наше наблюдение совпадает с концепцией "грубой терпимости" МакЭвитта). Более того, церковная жизнь греческих и арабоязычных общин теперь оказалась под защитой латинского оружия, и этот фактор неоднократно оказывался решающим (как, например, при налете войск Салах-ад-Дина на Фавор в 1183 г.). В то же время напряженность и определенное соперничество между прежними хранителями святынь Галилеи и новыми их хозяевами сохранялись. В случае горы Фавор это скрытое противостояние проявилось в связи с отношением к пещерному храму св. Мелхиседека, которое, в свою очередь, было тесно связано с вопросом о квасном или пресном литургическом хлебе, который занимал важное место в богословской полемике эпохи.

Локальная традиция задолго до прихода крестоносцев ассоциировалась, в соответствии с апокрифической "Историей о Мелхиседеке", одну из пещер на вершине Фавора с местом встречи Авраама с легендарным царем-священником. С началом споров о квасном и пресном хлебе для Евхаристии сюжет о Мелхиседеке приобрел особое значение (его пример свидетельствовал, по мнению византийцев, о верности восточной литургической практики); неправильность использования опресноков для совершения Евхаристии в глазах насельников святой горы доказывали и рассказы о регулярных видениях самого Мелхиседека, приходившего совершать Литургию (очевидно, на квасном хлебе) в пещерном храме. Вероятно, именно поэтому бенедиктинцы Фавора либо сами стали отрицать значение подземной церкви, либо не допускались туда как "опресночники". Так или иначе, со временем сложилась латинская традиция, альтернативная изначальной; западные монахи и паломники стали утверждать, что легендарная встреча Мелхиседека и Авраама имела место у подножия горы, а вовсе не у вершины. Впоследствии, с утратой защиты со стороны латинских рыцарей, Фаворский монастырь пришел в запустение, причем если латинская традиция почитания его святынь еще поддерживалась приезжими францисканцами, то православная была практически утрачена.

Источники/Sources

1. *Acta Pontificum* 1884 — *Acta pontificum Romanorum inedita* (1884), Bd. 2 (1), Stuttgart.
2. *Albert of Aachen* 2007 — Albert of Aachen (2007). *Historia Ierosolimitana*, Oxford University press, Oxford.
3. *Baldi* 1955 — Baldi, D. (1955). *Enchiridion locorum sanctorum: Documenta S. Evangelii loca respicientia*, Jerusalem.
4. *Bonifacius de Stephanis* 1875 — Bonifacius de Stephanis (1875). *Liber de perenni cultu Terrae Sanctae et de fructuosa eius peregrinatione*. Venice.
5. *Collectio Sabbaitica* 1940 — *Collectio Sabbaitica* (1940). *Acta Conciliorum Oecumenicorum*, 3, De Gruyter, Berlin, New York.
6. *Deycks* 1851 — Deycks, F. (1851). *Ludolphi De Itinere Terrae Sanctae Liber*, Stuttgart.
7. *Epiphanius Monachus* 1864 — Epiphanius Monachus (1864). *Enarratio Syriae*, PG, 69, 272.
8. *Fulcherius Carnotensis* 1913 — Fulcherius Carnotensis (1913). *Historia Hierosolymitana*, Heidelberg.
9. *Guidi* 1908 — Guidi, M. (1908). *Un bios di Costantino*, Roma.
10. *Historia de Melchisedech* 1857 — *Historia de Melchisedech* (1857), PG, 28, 525-530.
11. *Itinera Hierosolymitana* 1879 — *Itinera Hierosolymitana* (1879), 3, Geneva.
12. *Itineraria* 1965 — *Itineraria et alia geographica* (1965). Brepols, Turnhout (CCSL; vol. 175).
13. *Joannes Phocas* 1864 — Joannes Phocas (1864). *Descriptio Terrae Sanctae*, PG, 133, 936-937.
14. *Kedar* 1983 — Kedar, B. Z. (1983) Gerard of Nazareth: A Neglected 12th-Cent. Writer in the Latin East. *Dumbarton Oaks Papers*, 37, 55-77.
15. *Leib* 1924 — Leib, B. (1924). Deux inédits byzantins sur les azymes au début du XIIe siècle. *Orientalia Christiana*, 2.
16. *Peregrinationes* 1994 — Saewulf, Iohannes Wirzburgensis, Theodericus (1994). *Peregrinationes tres*, Brepols, Turnhout (CCCM; vol. 139).
17. *Peregrinatores Medii Aevi* 1894 — *Peregrinatores Medii Aevi Quatuor* (1894), Leipzig.
18. *Peter the Venerable* 1967 — Peter the Venerable (1967). *Letters*, vol. 2, Cambridge, 214-17.
19. *Regesta* 1893 — *Regesta regni Hierosolymitani, 1097-1291* (1893), vol 1, Oeniponti.
20. *Urkunden* 2010 — *Die Urkunden der lateinischen Könige von Jerusalem* (2010), Bd. 1. Hannover.
21. *Vassiliev* 1893 — Vassiliev, A. (1893). *Anecdota graeco-byzantina*. Mosqua.
22. *Williamus Tyrensis* 1986 — Williamus Tyrensis (1986). *Chronicon*, Brepols, Turnhout (CCCM; vol. 63A).
23. *Кучук-Иванесов* 1903 — Кучук-Иванесов, X. (1903). Письмо императора Иоанна Цимисхия к армянскому царю Ашоту III. *Византийский временник*, 10, 91-101.
24. *Павлов* 1878 — Павлов, А. С. (1878). *Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян*. Санкт-Петербург.
25. *Хождение* 1994 — Хождение игумена Даниила (1994). *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 4, Наука, Санкт-Петербург, 98-100.
26. *Ακολουθία* 1912 — *Ακολουθία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Νεοφύτου τοῦ Ἐγκλείστου* (1912), Ἀθήναι.
27. *Χρύσανθος* 1728 — *Χρύσανθος Πατριάρχης Ἱεροσολύμων* (1728). *Ἱστορία καὶ περιγραφή τῆς Ἁγίας Γῆς*, Ἐνετία.

Литература/References

1. *Battista e Bagatti* 1976 — Battista, A. e Bagatti, B. (1976). *La fortezza saracena del Monte Tabor (AH. 609-15: AD. 1212-18)*, Gerusalemme.
2. *Ellenblum* 1998 — Ellenblum, R. (1998). *Frankish Rural Settlement in the Latin Kingdom of Jerusalem*. Cambridge University press, Cambridge.
3. *Hamilton and Jotischky* 2020 — Hamilton, B. and Jotischky, A. (2020). *Latin and Greek Monasticism in the Crusader States*. Cambridge University press, Cambridge.
4. *McEvitt* 2008 — McEvitt, C. (2008). *The Crusades and the Christian World of the East: Rough Tolerance*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia.
5. *Pahlitsch* 2001 — Pahlitsch, J. (2001). *Graeci und Suriani im Palästina der Kreuzfahrerzeit. Beiträge und Quellen zur Geschichte des griechisch-orthodoxen Patriarchats von Jerusalem*, Duncker & Humblot, Berlin.
6. *Papadakis* 1994 — Papadakis, A. (1994). *The Christian East and the Rise of the Papacy: The Church 171-1453 A. D.*, SVS Press, Crestwood.
7. *Pelle* 2013 — Pelle, S. (2013). A Preliminary Study of the Historia de Melchisedech in the Latin West. *Apocrypha*, 24, 58-60.
8. *Prawer* 1972 — Prawer, J. (1972). *The Latin Kingdom of Jerusalem: European Colonialism in the Middle Ages*, Weidenfeld and Nicolson, London.
9. *Pringle* 1998 — Pringle, D. (1998). *The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus*, vol. 2: L-Z, Cambridge University Press, Cambridge and New York.
10. *Voisin* 1840 — Voisin, A. (1840). *Documents pour servir à l'histoire des bibliothèques en Belgique et de leurs principales curiosités littéraires*, Paris et Bonn.